

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Мережковский
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2453755

Аннотация

«...С самого начала своего пути Мережковский словно принял на себя обет богопознания: как будто никогда не переживал медового, жадного, свадебного месяца художества, поры немыслящего образа, радости образа ради самого образа. Он никогда не живописал землю и человека – всегда мыслил о них...»

Иван Лукаш Мережковский *По поводу его книги «Наполеон»*

О некоторых художниках можно сказать не только, что они «мыслят образами», но образы их и есть мысль.

Проследите творческую судьбу наших великих писателей. На каком-то пределе, на границе какого-то внутреннего перелома или перерождения они отказываются от изображения многообразного тела бытия, чтобы стать изобразителями самого духа бытия. Так Гоголь довершил себя «Перепиской с друзьями», так стал «учителем» Толстой, так Достоевский даже в пору своего образного творчества был мыслителем.

Осязательно-телесный образ, по-видимому, только знак, символ для мысли художника. Истинное художество, по-видимому, всегда вольно или невольно ищет разгадки и понимания духа бытия, и образ художества только средство откровения тайны и божественного смысла бытия, только путь к откровению полноты Бога в мире. Иными словами, истинное художество – всегда богопознание и боговыражение...

Не мешает повторить все эти аксиомы, чтобы яснее и точ-

нее представить себе книгу Д. С. Мережковского, выпущенную новым сербским издательством.

С самого начала своего пути Мережковский словно принял на себя обет богопознания: как будто никогда не переживал медового, жадного, свадебного месяца художества, поры немыслящего образа, радости образа ради самого образа. Он никогда не живописал землю и человека – всегда мыслил о них.

Если у того же Толстого, Гоголя или Достоевского была «первая половина творческой жизни» – недумающей радостью жизнепоклонения, то Мережковский никогда не поклонялся жизни. Он не переживал, а осмысливал ее, он о ней думал, снимая все ее светящиеся покровы. Для него жизнь всегда была ужасающим небом тютчевской ночи, грозящим знаком, бездной тьмы, над которой – одна путеводная божественная звезда. Он всегда остается наблюдателем этой звезды в многообразии бытия, осмыслителем бытия, словно он, как у Пушкина, принял на себя обет – «истолковать мне все творенье и разгадать добро и зло...»

Так. Но если так, тогда всякая ошибка в толковании, один неверный ход в разгадке, и всю постройку, как карточный домик, сдувает ветер бытия. Именно в этом – страшная творческая судьба Мережковского. Или верны, истинны все его толкования творимой вселенской мистерии, или же не верны, не истинны. И если верны, то должны стать откровением, плотью мысли всего мыслящего человечества, а сам он пред

лицом мира – как новый пророк. Но если не верны, не истинны его мыслительные построения, если замкнуты в себе, не наполняют мира, – то становятся какими-то нагромождениями возникающих и падающих теорем, а сам автор пред лицом мира – лжепророк.

С крайней остротой надобно говорить о Мережковском, с крайней правдой, потому что он сам всегда касается самого крайнего и самого сокровенного. Его надобно или принять или отвергнуть. Со своим истолкованием вселенской мистерии Богочеловека он будит тревогу душ.

Кто не согласится с тем, что «Трилогия» Мережковского, как знамение, открывала нашу эпоху? Кто не согласится также, что Мережковский провидел судьбу России с ее «Грядущим Хамом»? Когда думаешь о Мережковском, почему-то всегда вспоминаются сокровеннейшие слова апостола Павла: «Бог не в слове, а в силе...»

И разве в «слове», в учительской мысли была сила Толстого? Его сила – в немыслящих художественных образах. На них почиет живая сила, тихий свет Божий, и перед ними меркнет весь Толстой-учитель с его мертвым шорохом. И разве не чувствуем мы ближе к Богу простого лесковского монаха, едва бормотавшего «Господи, помилуй, Господи, помилуй», но полного благодатного света, чем, скажем, утонченный и хладный ум александрийского мудреца, познавшего все слова, для того чтобы превращать Божий мир в игру силлогизмов? Уж не такой ли мудрец, в самом деле,

и Мережковский? Но не в этом сердцевина вопроса.

Мережковский осмыслил по-своему бытие мира, и ошибается он или не ошибается, так ли сбывалось и так ли сбудется, как он толкует, все равно, огромна мысль художника-мыслителя. Он убеждает нас, что так сбывается. Может быть, мир и не таков, как мир Мережковского, но он желает такого мира, он творит свой мир.

Именно в этом и заключается то, что давно следовало заметить, говоря о Мережковском, – в этом его магия.

Он больше заклинатель, маг, чем учитель и пророк. Один мир он приемлет – тот, который создал себе, и этим своим миром заклиняет наши души.

Такими заклинаниями полон и его последний труд «Наполеон». Когда вы не примете его «Наполеона», когда он не войдет и не заполнит вас с магической силой, когда вы, отряхнув его магическое очарование, не станете его глазами смотреть на мир, – вы скажете, что «Наполеон» Мережковского, по крайней мере, в первом томе, который мы разбираем, только блещущая и холодная цепь острых аналогий, пирамида силлогизмов, чтобы отчетливо построить геометрически-бездыханную фигуру Наполеона – «квадрат человеческого гения» и в то же время основание «божественной пирамиды, заостряющейся в одно острое, в одну точку: я – Бог».

Вот, в сжатых чертах, космогоническая схема Мережковского для Наполеона: Наполеон «искренне чувствует выход

свой из времени в вечность, из всемирной истории в космогонию – эсхатологию». Наполеон – изображение языческой «гемисферы небес». Он – «солнечный гений всего средиземного племени, геометрическая ясность, точность, простота, Аполлонова мера. Вместе с тем он – новый образ языческого «солнечного мифа о страдающем Боге – человеке – Дионисе». А этот миф «есть только покров на христианской мистерии». «Дионис – только тень, а тело – Сын Человеческий. Тень Сына – Наполеон-Дионис». Как Дионис – Лизей – Освободитель, Наполеон «освобождает человеческие души от рабства тягчайшего – страха смерти». Но неизменна вселенская мистерия Бога-человека, и вот «солнце восходит, лучезарно, а заходит в крови закланной жертвы, солнце Аустерлица заходит на Св. Елене».

Наполеон Мережковского – только знак, символ неизменной мистерии Богочеловека, он, так сказать, Христос языческой «гемисферы небес». И потому, что он только знак, – он современен не своему времени, а бесконечно далекому прошлому, когда на всей земле был «один язык и одно наречие» – одно человечество, или же – бесконечно далекому будущему, когда будет «одно стадо, один пастырь». Наполеон «допотопен или апокалипсичен». Он вневременен, вечен, как сама мистерия, для игры которой он и явился в мир. Он явился из «допотопности», из затонувшей Атлантиды: «душа Атлантиды – магия, и душа Наполеона тоже». «Атланты – островитяне, и он тоже: родился на острове Корсике, умер на

острове Св. Елены; первый раз попал на остров Эльбу: и всю жизнь боролся с островом Англией, современной «Атлантидой» – маленькой, за будущую великую – всю земную сушу, окруженную морями».

Потому-то, что Наполеон вневременен, потому, что его душа – магия, у него и было «магическое предвидение своих будущих судеб». Он видел свое будущее, которое уже было с ним. «Да, именно, он помнит будущее, как прошлое».

Таков Наполеон Мережковского, космогонический лицедей вселенской мистерии. Он «только продолжает на земле параболу, начатую где-то там, откуда брошен, и нашу земную сферу пролетает, как метеор». Так он и сам говорит о себе: «Гении суть метеоры, которые должны сгорать, чтобы освещать свой век...»

Космогоническая схема построена, магическая формула отыскана: что вне ее – того не существует. Всеми превосходными историческими примерами, рассыпанными по всем страницам, Мережковский только подтверждает свою схему, или схема уложила его в свои космогонические пределы. И если вы примете схему – каждое слово будет вас волновать, как внезапное озарение, и озарится весь мир, как вечная арена мистерии Бога – жертвы, и на арене еще один вечный ее лицедей-Наполеон. Но даже если вы не примете схемы – все же будете вы следить со стороны за духовным миром самого автора, за его зрением на мир.

Его мир – арена, где действуют лицедей богочеловеческой

мистерии. Вне ее нет ничего. Она заполняет мир, она и есть мир, со всеми его героями, прошлыми и будущими, которые, в сущности, всегда те же самые герои, вернее, тот же самый герой под разными именами: Дионис ли, Наполеон, Александр, Леонардо да Винчи...

И если и не такой Божий мир, – а кто из нас знает, какой он? – Мережковский своим новым трудом снова закликает его, чтобы он был таким. Именно в этом напряженном осмысливании бытия, в этой одержимости заклинания и заключается та сила, та магия, о которой сказано и у апостола Павла...

И когда вы прочтете новую книгу Мережковского (подосадовав на опечатки и некрасивости издания), может быть, найдете в ней много, что чувствовали раньше и сами, независимо от Мережковского (как и автор этих строк, работая над «Пожаром Москвы»), найдете, вероятно, потому, что все русские люди сейчас, «побывавшие в аду коммунизма, знают о Наполеоне то, чего европейцы не знают, и чего нельзя узнать из сорока тысяч книг...»

Мы живем не в ничтожной, а в титанической эпохе. Она требует титанической мысли, титанического творчества, титанических дел. И, правда, нашей эпохе созвучно это космогоническое построение солнечного Бога – Наполеона...